

ИССЛЕДОВАНИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в.

I

Изучение летописания XIV в. связано с рядом трудностей. Если своды XV в. дошли до нас в современных или близких по времени списках, то от XIV в. сохранились только две летописи. Из них одна местная: Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список XIII—XIV вв.) и одна общерусская — Лаврентьевская летопись. Но Лаврентьевская летопись доведена только до 1305 г. и охватывает лишь первые годы XIV в. Может ли она быть привлечена для изучения политической истории и истории общественной мысли XIV в.?

Лаврентьевская летопись¹ редко рассматривалась с этой точки зрения. Вплоть до конца XIX в. исследователей интересовала прежде всего и главным образом первая часть этой летописи — содержащийся в ней текст Повести временных лет (или «летописи Нестора», как ее обычно именовали). Исследователи сравнивали текст «Нестора» в Лаврентьевской с аналогичным текстом в южнорусской Ипатьевской (дошедшей в списке XV в., но завершающейся концом XIII в.) и других летописях и пришли к справедливому заключению, что текст «Повести» Лаврентьевской летописи не может считаться оригиналом «Повести» в остальных.² Первой работой, посвященной Лаврентьевской летописи в целом, была статья И. А. Тихомирова. Статья эта — один из наиболее добросовестных образцов характерного для исследователей XIX в. метода «расшивки» летописных сводов на отдельные источники. Рассмотрение Лаврентьевской летописи последовательно проводилось здесь «сверху вниз» — в обычном хронологическом порядке; весь текст расслаивался на «отдельные сказания» и «погодные заметки». На основании содержания отдельных сказаний и заметок автор заключал, что они составлены во Владимире, Ростове, в Рязани и т. д.³ Подводя итог своему исследованию, И. А. Ти-

¹ Первое ее незаконченное издание с разночтениями по Троицкой летописи было доведено до 906 г. и прервано в 1811 г. (Летопись Несторова, по списку инок Лаврентия, издавали профессор Х. Чеботарев и Н. Черепанов с 1804 по 1811 г. — М., б. г.); другое издание, Р. Ф. Тимковского, было также прервано (на 1020 г.); см.: Летопись Нестора по древнейшему списку монаха Лаврентия. Изд. ОИДР, М., 1824. Первое полное издание: ПСРЛ, т. I, изд. 1-е, СПб., 1846 (2-е изд.: Л., 1926—1928; фототипическое воспроизведение — М., 1961). Вне ПСРЛ — издание А. Ф. Бычкова: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872 (переизд. — СПб., 1897).

² И. Д. Беляев. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. — ВОИДР, кн. 2, 1849, отд. 1, стр. 1—26; Н. Н. Янин. Новгородская летопись и ее московские переделки. — ЧОИДР, 1871, кн. 2, стр. (3—5) (отд. изд. — М., 1874).

³ И. А. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. — ЖМНП, 1884, ч. ССХХV, № 10, отд. 2, стр. 240—269.

хомиров писал, что в Лаврентьевский свод, «кроме Повести временных лет и южнорусских летописей, вошли известия, записывавшиеся сначала по преимуществу во Владимире (до смерти Всеволода III), а потом в Ростове, Суздале и Твери; есть также несколько известий костромских и ярославских, переяславских и рязанских».⁴

Именно разбор исследования И. А. Тихомирова о Лаврентьевской летописи (включенного в его «Обзрение летописных сводов Руси Северо-Восточной», представленное на соискание Уваровской премии) побудил А. А. Шахматова высказать важнейшее для его научного метода положение о необходимости сравнения между собой дошедших до нас летописей для установления «более древних сводов, лежащих в их основании». Вслед за своими предшественниками И. А. Тихомиров признал, что в состав Лаврентьевской летописи вошел, между прочим, более древний свод — Повесть временных лет; очевидно, и последующие источники Лаврентьевской представляли собой своды, последовательно сменявшие друг друга. А. А. Шахматов, естественно, спрашивал поэтому И. А. Тихомирова, «почему же он не попытался определить эти следовавшие друг за другом своды, почему не размотал сложного клубка, составившегося окончательно в XIV веке, ограничившись указанием на то, что клубок состоит из ниток разного цвета, разной доброты?». Исследователь указал и путь к такому «разматыванию клубка»: сравнение Лаврентьевской летописи с Радзивилловской (дошедшей в лицевого списке XV в., но доведенной до начала XIII в.) и близкими к ней летописями обнаруживало существование их общего источника — Владимирского свода начала XIII в.⁵ В другом месте той же статьи А. А. Шахматов отмечал еще один пробел в работе И. А. Тихомирова — полное игнорирование среди московских летописных сводов такого, как «Троицкий пергаменный начала XV в., ныне утраченный, но довольно хорошо известный по выпискам из него в Истории государства Российского Карамзина».⁶

В последующие годы А. А. Шахматов в значительной степени осуществил намеченную им программу сравнительно-текстологического изучения Лаврентьевской и близких к ней летописей. Предложенная им схема происхождения этих памятников изменялась и усложнялась по мере нахождения и привлечения нового летописного материала, однако уже в ранних своих статьях ученый пытался ответить на вопрос — что представлял собой в целом свод начала XIV в., лежащий в основе Лаврентьевской летописи. Большое значение при решении этой проблемы исследователь придавал отдельным совпадениям Лаврентьевской летописи с летописями иного происхождения — например, с Новгородской I (Синодальный список). «Восстановленный, путем изучения Лаврентьевской летописи и сравнения ее с Новгородской 1-й, общерусский свод 1305 г. был составлен несомненно во Владимире, что явствует из обилия в нем известий о событиях Руси Северо-Восточной, но он пользовался и южнорусскою, и новгородскою, и тверскою, и другими летописями», — писал А. А. Шахматов. «А это обстоятельство наводит на мысль, что составителем его был митрополит, и всего вероятнее — митрополит Петр».⁷

⁴ Там же, стр. 270.

⁵ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» (Отчет о 40-м присуждении награды гр. Уварова). — Записки АН по историко-филологическому отделению, т. IV, № 2, стр. 3—8 (отдельный оттиск — СПб., 1899).

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, ч. СССXXXII, № 11, отд. 2, стр. 149—151.

А. А. Шахматов предложил и условное название для этого гипотетического свода митрополита Петра: он назвал его (по аналогии с другим гипотетическим митрополичьим сводом начала XV в. Полихроном 1423 г.)⁸ Полихроном начала XIV в. К Полихрону начала XIV в. А. А. Шахматов возводил не только текст Лаврентьевской и некоторые известия Новгородской I⁹ летописей, но также и ряд известий Ипатьевской¹⁰ и, предположительно, основной текст Троицкой летописи (до начала XIV в.).¹¹

Предположение о существовании Полихрона — общерусского свода начала XIV в., не дошедшего до нас и лишь частично (главным образом во второй части — с XIII в.) переданного Лаврентьевской летописью,¹² побуждало А. А. Шахматова с крайней осторожностью и колебаниями решать вопрос о характере реальных текстов Лаврентьевской и Троицкой летописей. Он писал в связи с этим, что Лаврентьевская летопись была в 1377 г. «составлена или только переписана с готового оригинала», доведенного до 1305 г.;¹³ отмечая полное сходство, почти тождественность текстов Троицкой до 1305 г. и Лаврентьевской летописей, он склонен был, однако, считать, что Троицкая испытала влияние и Полихрона начала XIV в., и самой Лаврентьевской летописи (в списке 1377 г. или в его оригинале).¹⁴

Другие наблюдения А. А. Шахматова делали текстологическую схему происхождения Лаврентьевской и Троицкой летописей еще более сложной. Уже в своих первых работах по летописанию он обратил внимание на близость Лаврентьевской к Радзивилловской и сходным с нею летописям (Московско-Академический список, Летописец Переяславля Суздальского). Но летописный свод, лежащий в основе Радзивилловской и сходных летописей, доходил до 1206—1214 гг. и был составлен, очевидно, в Переяславле Суздальском в начале XIII в. Сопоставление текста Лаврентьевской летописи (и Троицкой) с текстом Переяславского свода начала XIII в. обнаруживало, что в Лаврентьевской сохранилась более ранняя редакция владимирского летописания. А. А. Шахматов полагал поэтому, что в первой части Лаврентьевской и Троицкой летописей отразился Владимирский свод 1185 г., а в Радзивилловской (и сходных с нею) — несколько более поздний Владимирский свод 1212 г.¹⁵ Ясно во всяком случае, что текст Радзивилловской летописи восходить к Полихрону начала XIV в. не мог. Именно поэтому А. А. Шахматов возводил к Полихрону начала XIV в. только те известия Лаврентьевской и Троицкой летописей до начала XIII в., которые совпадали с Ипатьевской, но не обнаруживались в Радзивилловской. Но таких совпадений оказывалось весьма немного: речь шла в сущности только о двух известиях (об обнов-

⁸ Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938 (далее: Шахматов. Обзорение), стр. 133—150.

⁹ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи. — В кн.: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. CXVIII, т. II. СПб., изд. ОЛДП, 1907, стр. 56—57; 2) Обзорение, стр. 12—13, 15, 18—20, 130—131; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 245—246.

¹⁰ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 56; 2) Обзорение, стр. 76—77.

¹¹ Шахматов. Обзорение, стр. 39.

¹² Ср. статью А. А. Шахматова «Летописи» в кн.: Шахматов. Обзорение, стр. 365.

¹³ А. А. Шахматов. 1) Обзорение, стр. 9, 37; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 247, прим. 2; 3) Повесть временных лет, т. 1. Пгр., 1916.

¹⁴ Шахматов. Обзорение, стр. 38—39 и 366.

¹⁵ Шахматов. Обзорение, стр. 11—12 и 51—55.

лении храмов во Владимире и Суздале) в 6701 (1194) г. (в Ипатьевской 6700 г.).¹⁶

Сопоставление Лаврентьевской, Троицкой и Ипатьевской летописей также не подкрепляло, а скорее усложняло гипотезу о Полихроне начала XIV в. Большинство известий, сходных с известиями в Лаврентьевской, Троицкой и Ипатьевской (и в Ипатьевском, и в остальных списках — Хлебниковском и др.) летописях, обнаруживается в Радзивилловской (Переяславском своде начала XIII в.) и, следовательно, восходит не к Полихрону XIV в., а к более ранним источникам. Характер взаимоотношений текстов Лаврентьевской, Радзивилловской, Ипатьевской и сходных летописей дает основание заключить, что уже в летописании XII—XIII вв. существовали по крайней мере две линии взаимных влияний: владимирское летописание опиралось на южнорусские своды XII в., а киевско-галицкое — на северные (владимирские) своды XII или даже начала XIII в.¹⁷

Но сохраняется ли в таком случае необходимость в предположении о Полихроне начала XIV в. как об общем источнике Лаврентьевской, Троицкой, Ипатьевской и других летописей?

Обоснованные сомнения в существовании Полихрона начала XIV в. — митрополичьего свода, лежащего в основе Лаврентьевской и других летописей, — были высказаны уже в 1922—1924 гг. М. Д. Приселковым. Приселков прежде всего обратил внимание на заключительную часть свода 1305 г., читающегося в Лаврентьевской летописи, — как и всякая заключительная часть свода, она лучше всего характеризует его общий характер. Перед нами явно не митрополичий свод: о переезде самого митрополита в Северо-Восточную Русь в 6808 г. здесь сообщено в такой форме, которая совершенно не подобает его летописцу — «Оставя митрополю и збежа ис Киева» (между тем русские митрополиты настаивали на том, что отъезд на север — не оставление митрополии); совершенно отсутствуют известия о южной части диоцезы митрополитов Петра и Максима (киевской и галицко-волинской); неточно указана дата смерти митрополита Максима, с которым должен был бы быть связан такой свод.¹⁸ В центре внимания летописца не митрополия, а великокняжеская власть, причем начиная с 1285 г. в тексте Лаврентьевской летописи преобладают тверские известия — обстоятельство, которое становится понятным, если учесть, что с 1305 г., которым заканчивается Лаврентьевская летопись, великим князем Владимирским стал Михаил Ярославич Тверской и фактический центр Северо-Восточной Руси переместился в Тверь.¹⁹

Убедительно отверг М. Д. Приселков и текстологические аргументы в пользу существования Полихрона начала XIV в. Относительно неболь-

¹⁶ А. А. Шахматов. 1) Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 43—44 и 57; 2) Обзорение, стр. 12—13, 61—62. А. А. Шахматов отмечал еще упоминание в Радзивилловской (Переяславском своде) места строительства храма в 6665 (1157) г. — в Переяслави в Новем, отсутствующее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, и ряд чтений в Повести временных лет, сближающих Радзивилловскую летопись с Новгородской I. Но эти особенности могут рассматриваться как дополнения и исправления в Переяславском своде, а не как отличия от особого источника Лаврентьевской—Ипатьевской (ср. стр. 54). Следует отметить также, что А. А. Шахматов допускал возможность влияния на Радзивилловскую летопись наряду со сводом начала XIII в. и самой Лаврентьевской летописи (списка 1377 г.). Ср.: А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи, стр. 57—58.

¹⁷ Шахматов. Обзорение, стр. 18, 53, 74—75.

¹⁸ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 36—37.

¹⁹ М. Д. Приселков. 1) «Летописецъ» 1305 г. — В сб. «Века», 1, Пгр., 1924, стр. 30—35; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (далее: Приселков. История), стр. 106, 109—110.

шие отличия Радзивиловской и близких к ней летописей от Лаврентьевской и Ипатьевской — отсутствие известий 6701 г., — естественно, могли быть объяснены тем, что составитель свода 1212 г., лежащего в основе Радзивиловской (свода Переяславля Северного), выпустил эти известия, как и другие записи, связанные с враждебным Всеволоду Большое Гнездо епископом Иваном, а в Лаврентьевской и других летописях они сохранились (из более раннего свода 1185 г.).²⁰ Кроме того, предположение о зависимости Ипатьевской летописи от Полихрона начала XIV в. противоречило тому обстоятельству, что текст Ипатьевской летописи заканчивается 1292 (6800) г. и, очевидно, оригинал ее составлен в конце XIII в., — было бы странно, если бы в качестве одного из источников этого оригинала был использован более поздний по времени Полихрон начала XIV в.²¹

Характеризуя Лаврентьевскую летопись и ее оригинал — свод 1305 г., — М. Д. Приселков имел возможность широко и на всем протяжении сопоставить ее с реконструированной им Троицкой летописью.²² Это сопоставление дало исследователю основание отвергнуть предположение, что Троицкая летопись до 1305 г. восходит к двум разным источникам — Полихрону начала XIV в. и Лаврентьевской летописи. Сводчик начала XV в. (1408 г.) внес в текст Троицкой летописи до 1305 г. небольшие дополнения, но в целом свод 1305 г., читающийся в Лаврентьевской летописи, оказался переданным в Троицкой чрезвычайно полно и на всем протяжении.²³ Этим и определялась основная характеристика Лаврентьевской и Троицкой летописей, данная М. Д. Приселковым. Лаврентьевская летопись (список 1377 г.) есть «простая копия, старательное, но не всегда удачное воспроизведение «очень ветхого экземпляра свода 1305 г.». Тот же самый свод 1305 г. был положен и в основу Троицкой летописи начала XV в. (свода 1408 г.).²⁴

Выводы М. Д. Приселкова относительно Лаврентьевской и Троицкой летописей были в основном приняты в научной литературе последующего времени. Некоторые возражения по частным вопросам были высказаны В. Л. Комаровичем в его незавершенных, к сожалению, работах на эту тему. В. Л. Комарович считал, что, создавая список 1377 г., Лаврентий отошел от своего оригинала по крайней мере в одном случае — в рассказе о нашествии татар в 1239—1240 гг. Первоначальная версия рассказа о нашествии Батыея сохранилась, по мнению В. Л. Комаровича, в Троицкой летописи, текст которой был передан Воскресенской летописью

²⁰ М. Д. Приселков. 1) Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32, серия исторических наук, вып. 2, 1939, стр. 118—121; 2) История, стр. 60—61, 83—85. Дополнительного рассмотрения требуют еще отмеченные А. А. Шахматовым отличия Радзивиловской летописи от Лаврентьевской и Ипатьевской в Повести временных лет (см. выше, прим. 16). М. Д. Приселков объяснил ряд своеобразных чтений этой части Радзивиловской летописи сознательным подновлением языка, предпринятым составителем свода 1212 г.; следовало бы также проверить, не объясняются ли совпадения Радзивиловской и Новгородской I (там, где они противостоят Лаврентьевской и Ипатьевской) сближением протографа Радзивиловской летописи с новгородским летописцем (или какой-либо версией Начального свода).

²¹ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста), стр. 81—82.

²² Текст этой реконструкции был издан после смерти ученого: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950.

²³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Ученые записки ЛГУ им. Герцена, т. XIX, 1939, стр. 192 и 195. См. ниже, стр. 59—60.

²⁴ М. Д. Приселков. 1) Летописание XIV в., стр. 28—29, 38—39; 2) Лаврентьевская летопись (история текста), стр. 142; 3) История, стр. 108—109.

(Московским сводом конца XV в.),²⁵ отличия Лаврентьевской летописи от этого текста В. Л. Комарович считал «авторским вкладом» Лаврентия.

Аргументация В. Л. Комаровича была убедительно опровергнута А. Н. Насоновым. А. Н. Насонов отметил, что у нас нет никаких оснований предполагать, что текст Лаврентьевской за 1239—1240 гг. чем-либо отличался от Троицкой летописи. В Воскресенской летописи содержится под этими годами не древнейший рассказ, а довольно поздняя компиляция из нескольких рассказов, восходящих (через Московский свод 1479 г.) к Софийской I летописи («своду 1448 г.»). В Троицкой же летописи, судя по цитатам Н. М. Карамзина, читался тот же рассказ, что и в своде 1305 г. (Лаврентьевский).²⁶ «Вопрос о том, что представлял собой оригинал Лаврентия, или свод 1305 г., правильно в общем виде разрешен М. Д. Приселковым», — писал А. Н. Насонов; список 1377 г. есть «копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г., которую мы условно называем Лаврентьевской летописью»; Троицкая летопись до 1305 г. отражала не эту копию, а «оригинал Лаврентия, т. е. свод 1305 г.»²⁷

Новая попытка пересмотреть характеристику Лаврентьевской летописи, данную М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым, была предпринята недавно Г. М. Прохоровым. Г. М. Прохоров, как и В. Л. Комарович, попытался обнаружить в Лаврентьевской летописи «авторский вклад» Лаврентия и других писцов, но уже не путем сравнения летописных текстов, а с помощью кодикологического исследования рукописи и внутреннего анализа повести о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. Г. М. Прохоров внимательно проанализировал смену почерков, порядок расположения и разлиновки пергаменных листов и тетрадей в Лаврентьевском списке. Вслед за В. Ф. Карским и А. Н. Насоновым он пришел к выводу, что над рукописью работали три человека; вторым писцом, которому принадлежала большая часть рукописи, начиная с л. 40 об. и кончая припиской на л. 172 об. — 173, был, по заключению Г. М. Прохорова, сам Лаврентий. Как и его предшественники, Г. М. Прохоров обратил особое внимание на лл. 157, 167 и 161, не дописанные до конца, и на весь текст за 6731—6764 (1223—1256) гг. на лл. 153—167. По его мнению, лл. 153—164 (включающие рассказ о татарском нашествии) заменялись и переделывались по ходу работы и, по-видимому, неоднократно; текст лл. 157, 167 и часть текста на л. 161 приписал какой-то «главный» редактор, вероятнее всего — сам епископ Дионисий Суздальский, поручивший работу по переписке Лаврентию.²⁸

В другой своей работе Г. М. Прохоров обратился к содержанию рассказа о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. Считая, что его кодикологические наблюдения над списком Лаврентия уже доказали, что «повесть Лаврентьевской — произведение в какой-то мере писцов 1377 г.», автор, вслед за В. Л. Комаровичем, отметил «большую насыщенность повести о Батыевой рати заимствованиями из предшествующей части летописи», «процент» которых необычен даже для летописных рассказов,

²⁵ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. — Архив ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 388, стр. 180 (машинопись). Ср. главу В. Л. Комаровича «Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в.» в кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 90.

²⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969 (далее: Насонов. История), стр. 180—184.

²⁷ Насонов. История, стр. 180, 191, 201.

²⁸ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. IV. Л., 1972, стр. 83—104.

и недостаток подлинных реалий. Г. М. Прохоров полагает, что «активная антитатарская тенденция» рассказа о Батыевом нашествии, как и весь «общерусский» характер Лаврентьевской летописи, не соответствует исторической обстановке конца XIII—начала XIV в., что особенности эти могли появиться только в обстановке «могучего объединительного течения на Руси». Такое «объединительное течение» возникло именно в 70-х годах XIV в., и одним из центров его было великое княжество Суздальско-Нижегородское, совершившее в 1376—1377 гг. «первый — первый со времени завоевания Руси! — поход русских на татар». Таким образом, рассказ о татарском нашествии, а вместе с нею и вся Лаврентьевская летопись в ее окончательном виде — памятник последней четверти XIV в.²⁹

Но такой вывод вызывает ряд серьезных вопросов, уже встававших перед исследователями. Если Лаврентьевская летопись была памятником, созданным в 1377 г. для великого князя Суздальско-Нижегородского в обстановке «мощного объединительного течения на Руси», то почему же эта летопись не включала материала истории XIV в. и, в частности, материала, относящегося к Суздальско-Нижегородскому княжеству и его столкновениям с татарами? Г. М. Прохоров объясняет это тем, что составители Лаврентьевской летописи очень торопились и «оборвать летописное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Приселков».³⁰ Такое объяснение представляется неубедительным. Несомненно, что рассказ о событиях последнего столетия и особенно материала, относящийся к Суздальско-Нижегородскому княжеству, был наиболее важен и актуален для летописца конца XIV в., — странно было бы, если бы он не включил его только по недостатку времени.

Другой естественный вопрос, встающий при рассмотрении этого построения, — вопрос о взаимоотношениях Лаврентьевской и Троицкой (свода 1408 г.) летописей. Принимая вывод В. Л. Комаровича о творческой работе Лаврентия и других создателей списка 1377 г., Г. М. Прохоров идет к этому выводу иным, в сущности прямо противоположным, путем. В. Л. Комарович видел доказательство авторства Лаврентия в отличиях рассказа о нашествии Батыя Лаврентьевской летописи от рассказа Троицкой (который он восстанавливал по Воскресенской и отождествлял с рассказом свода 1305 г.); Г. М. Прохоров признает, вслед за М. Д. Приселковым, идентичность рассказов 1237—1240 гг. в обеих летописях. Но как совместить такое соотношение текстов с предположением о том, что рассказ о татарском нашествии был составлен или существенно переработан создателем Лаврентьевской рукописи 1377 г.? «Сделаем неизбежный вывод: эта повесть попала в Троицкую летопись из Лаврентьевской (а не из «свода 1305 г.»), т. е. одним из источников Троицкой была Лаврентьевская летопись (рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки)», — пишет Г. М. Прохоров.³¹

²⁹ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1974, стр. 77 и 93. Вывод о принадлежности Лаврентию рассказа о монгольском нашествии был принят как доказанное положение и некоторыми другими авторами (ср.: Л. Н. Гумилев. Нужна ли география гуманитарам? — Сб. «Славяно-русская этнография», Л., 1973, стр. 96—97).

³⁰ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, стр. 96.

³¹ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 103—104.

Но такое решение вопроса, действительно неизбежно возникающее из предположения о создании известного нам текста повести о Батыевом нашествии в 1377 г., весьма ответственно и требует от исследователя серьезного обоснования. Зависимость Троицкой летописи (а вслед за ней и почти всего общерусского летописания последующего времени) не от свода 1305 г., а от списка 1377 г. не может быть доказана только на основе кодикологического исследования Лаврентьевского списка и анализа рассказа 1237—1240 гг. Здесь необходимо развернутое текстологическое доказательство.

II

Кодикологический анализ (исследование одной рукописи без сравнения с другими) очень редко позволяет обнаружить черты творческой работы редактора-летописца, отличающей его от простого переписчика. К числу немногочисленных примеров такой творческой работы над рукописью принадлежат в первую очередь знаменитые приписки на последних томах Лицевого свода XVI в., где совершенно ясна работа редактора (зачеркивание, переделка текста, вставка новых по смыслу и тенденции мест) и где дополнения и переделки одной рукописи (Синодального списка) вошли в основной текст другой (Царственная книга).³²

Но черты подобной творческой работы обнаруживаются только в таких рукописях, которые имеют (хотя бы в отдельных, оригинальных, частях текста) заведомо «черновой» характер, — речь идет о переделках, которые делаются сознательно тем, кто пишет рукопись, и заметны для того, кто ее читает (или переписывает). Никаких черт творческой, «черновой», работы мы в Лаврентьевском списке 1377 г. не находим. Напротив, очень важные наблюдения М. Д. Приселкова, никем из его преемников не отвергнутые, показывают, что перед нами работа переписчиков, не всегда умелых, но очень старавшихся как можно точнее передать свой оригинал. Так, в основной части рукописи, переписанной, очевидно, самим Лаврентием, под 6732 г., после слов «посла великий князь Гюрги брата своего Володимира и сыновца своего Всеволода Константиновича с полкы» (л. 154), сделан пробел в полторы строки, указывающий, очевидно, на то, что переписчик не разобрал текста оригинала (куда именно послал Юрий Владимира и Всеволода) и не решился его ничем заменить, предпочтя оставить пустое место. Под 6756 г. сообщается, что князь Михаил был похоронен «на память святаго имярек» (165 об.). Под 6764 г. сообщено, что приехали не названные по имени «князи на Городец да в Новъгород» (л. 166 об.). При описании надругательства татарского темника над убитыми боярами, помещенном в не имеющей начала статье 6791 г., сказано, что «трупья» «вставиша в сани чернысерусину» — последнее слово (или два слова), непонятное, очевидно, самому переписчику, отмечено в начале и в конце точками.³³ Совершенно такое же отношение к оригиналу обнаружили переписчики рукописи 1377 г. и в более ранних разделах своего труда. Явной ошибкой переписчика было, например, помещение Поучения Владимира Мономаха и всего комплекса его сочинений внутри рассказа 6604 (1096) г. о происхождении половцев от народов, «заклепанных» Александром Македонским (лл. 78—85). Независимо от того, считать ли, что сочинения Мономаха были отдельной внелетописной частью «ветшаной» книги, оторвавшейся от на-

³² Ср.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Исторические записки, кн. 23, М., 1947, стр. 251—252, 262.

³³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 195.

чала и случайно вложенной между листами рассказа 6604 г., как думал М. Д. Приселков,³⁴ или видеть в них органическую часть оригинала Лаврентьевской летописи, перемещая их в конец 6604 г., как сделал еще А. Ф. Бычков (а вслед за ним и В. Ф. Карский),³⁵ несомненно одно: в списке 1377 г. этот рассказ был помещен под 6604 г. не на своем месте вследствие какого-то дефекта в оригинале.

Но такое отношение к оригиналу и такие ошибки говорят как раз против представления о «смелом своеобразии» работы Лаврентия. Оригинальный писатель, составлявший остро публицистический рассказ о нашествии татар, едва ли мог так формально относиться к остальной части своего повествования и едва ли мог бы, например, определять (да еще в летописи, написанной при прямом участии епископа Дионисия Суздальского) дату княжеских похорон как день памяти «святого имярек».

Для того чтобы установить место Лаврентьевского кодекса 1377 г. в истории летописания и его отношение к своду 1408 г., следует сравнить его с Троицкой летописью и в разделе за 1237—1240 гг. (стр. 59), и на более широком протяжении. Убедительные данные для решения этого вопроса дает сравнение обеих летописей в пределах начальной части Троицкой, которая известна нам не по реконструкции, а на основании издания Лаврентьевской летописи начала XIX в. (Чеботарева и Черепанова). В этом издании текст Троицкой (еще до пожара 1812 г.) был привлечен для подведения разночтений. Разночтения эти обнаруживают, что при всей редакционной близости Троицкой (в разночтениях — Тр.) к тексту Лаврентьевской (в разночтениях — Лавр.) летописи (вследствие которой эта редакция противостоит Радзивилловской и Московско-Академическому списку — в разночтениях Р и А) текст Троицкой летописи не повторяет ряда индивидуальных чтений и пропусков Лаврентьевского списка. Так, если в первом рассказе Повести временных лет о разделении земель между сыновьями Ноя Лавр. пропускает при перечислении жребия Сима наименования «Никорурия» и «Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся», а «Мидия» искажает в «Индия», «Месопотамия» — в «Мисопотамира», то в Тр., как и в РА, всех этих пропусков и искажений не оказывается. При перечислении жребия Хама в Тр., как и в РА, читается «полуденная часть» (в Лавр. — «полуденная страна»), при перечислении жребия Афета — «Галатия, Колхис» (в Лавр. — «Галат, Влехис»). В рассказе о полянах в Тр. читается, как и в РА, — «и живяху в мире поляне»; в Лавр. — «иже бяху...»; в Тр. — «дулеби живяху по Бугу» (так и в РА), в Лавр. — «по бу (богу)». Рассказ о призвании варягов не имеет в Лавр. особой даты и примыкает к предшествующему 6369 г.; в Тр., как и в РА, он помещен под 6370 г.; вместо испорченного «тии звахуся варяги суть» (Лавр.), в Тр., как и в РА, читается: «сице бо ся зваху ти варязи Русью». В рассказе 6406 г. о Кирилле и Мефодии в Лавр. пропущено упоминание о том, что «всташа неции на ня, ропшюще»; в Тр. оно читается (в РА: «неции же начаша хулити словеньския книги»). Такие расхождения между Тр. и Лавр.

³⁴ Там же, стр. 187—188. Ср.: Шахматов. Обзорение, стр. 22—24.

³⁵ Эта перестановка текста была впервые произведена в издании 1872 г.; в издании 1846 г. ее не было (ср. выше, прим. 1). Д. С. Лихачев считает, что сочинения Мономаха попали в Лаврентьевской летописи «в приблизительно верное для своего нахождения место», но и он отмечает, что в оригинале они должны были находиться в ином месте, чем в рукописи, и что вставка их «разорвала» рассуждения Повести временных лет о половцах под 6604 г. (Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 195—196).

обнаруживаются на всем протяжении их текста вплоть до 6415 г.,³⁶ на котором обрывается издание Чеботарева—Черепанова.

Независимость свода 1408 г. от индивидуальных чтений Лаврентьевской может быть подтверждена и дальнейшим текстом Троицкой летописи. Основным источником при ее реконструкции были для М. Д. Приселкова цитаты Карамзина из Троицкой и близкая к ней Симеоновская летопись (далее: Сим.). В настоящее время мы располагаем еще одним источником для реконструкции Троицкой летописи, которого не имел М. Д. Приселков, — недавно опубликованным Владимирским летописцем. Владимирский летописец (далее: Вл.), как выяснилось, вплоть до XIV в. содержит текст, близкий к Троицкой летописи; рассказ о татарском нашествии оказывается здесь сходным с рассказом Лаврентьевской и приселковской реконструкцией Троицкой.³⁷ Но индивидуальные чтения Троицкой и в этой части оказываются отличными от Лаврентьевской летописи, и явные пропуски списка 1377 г. здесь не отразились. Так, под 6737 (1229) г. в Лавр. упоминается «страсть нового мученика Христова, его же убиша болгаре»; имени мученика нет. Между тем в Тр., где этот рассказ помещен под 6738 г., имя мученика, судя по Сим. и Вл., читалось: «...страсть нового мученика Христова Авраамия, его же убиша безбожнии болгаре». Особенно важно отметить, что этот пропуск имени в Лавр. обнаруживается на л. 156, т. е. как раз в тетради (лл. 153—167), где помещен рассказ о татарском нашествии. И это не единственный такой пропуск. Под 6745 (1237) г. в Лавр. перечисляются иерархи, убитые при взятии Батыем Владимира: «... и убиен бысть Пахоми архимандрит... да игумен Успенский, Феодосий Спасьский»; имя успенского игумена здесь пропущено. В Тр. же, судя по цитате Карамзина и Вл., здесь читалось: «и ту убыен бысть Пахомий архимандрит... и Данило, игумен Успенский, Феодосий Спаский».³⁸ Ясно, что если бы Тр. восходила (в частности, в рассказе о Батые) к рукописи 1377 г., она не могла бы содержать во всех перечисленных случаях более полный и исправный текст; очевидно, свод 1408 г. восходил не к списку Лаврентия, а к его протографу—своду 1305 г.

Наличие у Лаврентьевской и Троицкой летописей общего протографа доказывается не только совпадением основного их текста до 1305 г., но и множеством общих чтений, — в том числе и явно ошибочных. Выше мы приводили примеры пробелов и дефектов оригинала, которые не мог устранить Лаврентий. Принадлежность этих дефектов своду 1305 г. подтверждается тем, что Троицкая летопись либо также сохраняет их

³⁶ См.: ПСРЛ, т. I, изд. 2-е, стлб. 1, вар. 3, 11, 13, 14; стлб. 3, вар. 35; стлб. 7, вар. 50, 59, 61, прим. а; стлб. 9, вар. 26; стлб. 10, вар. 32, 54, прим. е; стлб. 11, вар. 2, 29, 41, прим. г; стлб. 12, вар. 72, 77; стлб. 13, вар. 2; стлб. 19, вар. 22, прим. д; стлб. 20, вар. 41, прим. к; стлб. 21, вар. 18; стлб. 22, вар. 53; стлб. 24, вар. 57, 60, 63; стлб. 25, вар. 23—24, прим. б, в; стлб. 26, вар. 36, 49; 27, прим. б; стлб. 28, вар. 46.

³⁷ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, стр. 85—91. В статьях этих годов, как и в остальном тексте Владимирского летописца, встречаются только единичные заимствования из НИВЛ (подробнее см.: Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — Археографический ежегодник за 1966 г., М., 1968, стр. 37—40; Я. С. Лурье. Троицкая летопись и общерусское летописание XIV в. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VI. Л., 1974 (в печати).

³⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 316; ПСРЛ, т. XXX, стр. 88. Укажем еще следующие различия между Лавр. и Тр. в рассказе 6745 г.: в Лавр. читается: «...поядоша на великаго князя Георгия», Тр. (по Карамзину) — «Гюргия», Вл. — «Юрья» (заметим, что в остальном тексте рассказа 6745 г. суздальский князь всюду именуется Юрием); в Лавр.: «...Всеволод с братом вне града убита»; Тр. (по Карамзину) — «убиша», Вл. — «убиена бысть».

(например, под 6764 г. в Тр., как и в Лавр., князя, приехавшие в Городец и в Новгород, не названы по имени), либо просто опускает явно бессмысленные фразы (известие 6732 г., погребение в день «святаго имярек», загадочное «чернысерусину»). Очевидно, составитель Троицкой летописи (свода 1408 г.), имея перед собой тот же «ветшанный» свод 1305 г., передавал его в ряде случаев более смело и более сознательно, чем Лаврентий, — там, где он не мог восполнить пробелов, он предпочитал пропускать дефектный текст, а не копировать его.³⁹

Особенности Лаврентьевской рукописи и отношение ее текста к Троицкой летописи помогают понять своеобразные черты раздела, повествующего о татарском нашествии. Исследователи, и особенно Г. М. Прохоров, справедливо отметили наличие ряда «огрехов» в соответствующем месте рукописи (на лл. 153—168); количество листов в тетрадах не укладывается здесь в правильные «кватернионы» с равномерной разлиновкой листов; возможно, что какие-то из листов последних тетрадей (после л. 153) были дополнительно внесены в текст.⁴⁰ Но свидетельствуют ли эти особенности о творческой работе составителей списка 1377 г.? Сходные «огрехи» мы обнаруживаем и в других частях рукописи, где никто не предполагает и не имеет оснований предполагать какой-либо творческой работы 1377 г. Порядок разлиновки пергамента (— — + +), характерный для основной части рукописи, не был присущ ее началу (до л. 41), он не был соблюден и на лл. 61 и 62,⁴¹ где читается рассказ 6582 г. о Печерском монастыре, совпадающий не только с рассказом Троицкой, но и Радзивилловской, и Московско-Академической летописи и, следовательно, не обнаруживающий черт переделки конца XIV в.⁴² Шестая тетрадь рукописи, содержащая лл. 35—40, также не укладывается в «кватернион» и не имеет правильного порядка разлиновки; Г. М. Прохоров объясняет это тем, что «предшественник» Лаврентия (первый писец, который изготовил лл. 1—40) «предвидел, кажется, конец своей работы, поскольку последнюю тетрадь он сделал не восьмилистной, а шестилистной».⁴³ Но такое предвидение свидетельствует о том, что, как и Лаврентий, этот писец исходил в своей работе не из задач переделки текста (на л. 40 помещен рассказ 6496 г. о крещении Руси, также вполне идентичный с рассказом Троицкой, Радзивилловской и других летописей), а из

³⁹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 195.

⁴⁰ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 94—101.

⁴¹ Насонов. История, стр. 179, прим. 19; Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 86, 88—89 (таблица), 93.

⁴² Этот пример нарушения разлиновки, никак не связанный с пробелами в тексте, лишает силы и основной аргумент А. Н. Насонова в его споре с М. Д. Приселковым о причине пробела в тексте между 6794—6795 и 6804 (1294) гг. М. Д. Приселков считал, что этот пробел был уже в «ветшаном» оригинале Лаврентьевской (М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, стр. 194); А. Н. Насонов (вслед за А. Ф. Бычковым) полагал, что здесь в списке 1377 г. вырван лист (между лл. 170 и 171), ссылаясь именно на то, что лл. 170 (+) и 171 (—) нарушают чередование разлиновки (Насонов. История, стр. 179). Но порядок разлиновки (— — + +) вообще не соблюдается в Лаврентьевском списке после л. 157, даже если оставить в стороне листы, написанные другим почерком (ср. таблицу в статье: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 39); между тем, как отметил М. Д. Приселков, в Лаврентьевской в конце л. 170 идут «пустые года» — 6794-й и 6795-й (в Троицкой они дополнены), что говорит как раз в пользу пробела в оригинале, который писец старался хоть чем-нибудь восполнить.

⁴³ Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 93.

объема данного ему для переписки оригинала — соответствующей части свода 1305 г. («урока» — по терминологии М. Д. Приселкова).

Обстоятельства написания и первоначального переплетения лл. 153—167 рукописи 1377 г. сейчас уже едва ли могут быть восстановлены. Как выяснил Г. М. Прохоров, последний раз рукопись Лаврентьевской переплеталась в конце XVIII—начале XIX в., и до этого времени листы рукописи — и именно листы, относящиеся к интересующей нас части летописи, — были переставлены и приведены в порядок не ранее XVIII в. (запись почерком середины XVIII в. на л. 164: «... следующие листы по сему листу переложены»)⁴⁴. Но если соответствующие листы Лаврентьевской летописи были в XVIII в. перепутаны и вновь «переложены», то это означает, что к тому времени они существовали не как целые тетради, а скорее как отдельные листы, и нынешняя их брошюровка, произведенная в XVIII в., во всяком случае ничего не говорит о составе тетрадей в первоначальном тексте XIV в. Какие-то гипотезы о составе этих тетрадей можно было бы строить лишь в том случае, если бы рукопись была освобождена от переплета XVIII—начала XIX в. и вновь расплетена. При нынешнем же состоянии Лаврентьевского кодекса предложенная Г. М. Прохоровым сложная реконструкция хода переделок соответствующей части рукописи (трехкратная переклейка первоначального текста) неизбежно, как отмечает и сам автор, включает ряд противоречий и даже ведет к «замкнутому логическому кругу»⁴⁵. И что для нас особенно важно, такой ход «приобретения кодексом Лаврентьевской летописи его нынешних особенностей» вовсе не должен объясняться задачами творческой переработки соответствующего текста. Творческая переработка текста могла, очевидно, идти по двум путям: либо переделывался и заменялся весь текст о татарском нашествии (лл. 153—164 об.), либо в него делались отдельные вставки. В первом случае, как всегда бывает при вставке нового текста в готовую рукопись, расхождение между вставным текстом и остальной рукописью («стык») должно было бы обнаружиться на конце всего вставного текста, т. е. на границе между лл. 164—164 об. и следующим листом — 165-м. Но никакого «стыка», никаких пробелов, зачеркнутых или исправленных строк мы здесь не находим: на л. 164 об. кончается рассказ о событиях 6747 (1239) г., включающий похвальное слово убитому Юрию, далее на лл. 164 об.—167 последовательно даны известия 6748—6770 гг. Более вероятной, естественно, представляется переделка текста на заполненных не до конца лл. 157, 161 и 167, написанных иным почерком (л. 161 — частью Лаврентием, частью другим писцом). Однако и эти листы обнаруживают любопытные особенности: на них нет никаких исправлений или вставок, никаких следов черновой работы, и текст их, хотя и не дописан до конца, безупречно переходит в текст следующих листов (на лл. 161 об. — 162 и 167 об. — 168 даже с переносом слова: «прогне/ваю» и «бесурме/нин»). Ясно, что если текст лл. 157, 161 и 167 переделывался, то не на тех листах, которые дошли до нас. Совершенно невероятно, чтобы редактор (особенно если им был сам Дионисий Суздальский) проделал столь важную творческую работу «в уме», мысленно выпустив и заменив какие-то строчки и аккуратно написав новый текст без единой помарки — так, чтобы он полностью перешел в текст последующих листов. Как бы

⁴⁴ Там же, стр. 85 и 87 (рис.). Нет оснований, по нашему мнению, и для того, чтобы приписывать писцам 1377 г. разные по размерам и не всегда сохранившиеся сигнатуры тетрадей (ср.: там же, стр. 92—93).

⁴⁵ Там же, стр. 98—103.

ни представлять себе работу, предшествующую составлению кодекса 1337 г., ясно, что перед нами и на лл. 157, 161 и 167, и на всем протяжении лл. 153—168 — «перебеленный» текст, переписанный с какого-то готового оригинала. Датировать же такой оригинал на основании «перебеленного» текста невозможно: оригинал Лаврентьевской летописи мог быть и памятником, созданным в конце XIV в., непосредственно перед или одновременно с написанием рукописи Лаврентия, и с той же вероятностью рукописью начала XIV в. (свод 1305 г.).

Вот почему, несмотря на новые кодикологические наблюдения, нам по-прежнему представляется, что особенности списка 1377 г. (как считал М. Д. Приселков) объясняются обстоятельствами его переписки. Спешность изготовления Лаврентьевского кодекса (и связанные с этим «огрехи») признается всеми исследователями; обнаруженные М. Д. Приселковым примеры явно механических ошибок и описок в рукописи, вызванные «ветшаностью» ее оригинала, неоспоримы. Очевидно, и пробелы в тексте лл. 157—168 могли быть вызваны теми же причинами. Если листы свода 1305 г., содержащие сочинения Мономаха, оказались в конце XIV в. не на своем первоначальном месте, то сходная перестановка или потеря листов могла произойти с отдельными листами рассказа свода 1305 г. о татарском нашествии. Если же такие дефекты привели к пропуску или порче ряда листов в копии, то ее пришлось затем исправлять. Но как именно? При срочности работы Лаврентия и его товарищей речь, очевидно, могла идти не о новой переписке всего окончания свода (от 1237 г. до конца), а об удалении и замене листов с испорченным текстом или о вставке дополнительных листов. Но замена дефектного листа неизбежно означала нарушение его связи с парным ему листом тетради. Отсюда — невозможность соблюдения обычного для Лаврентия порядка чередования вдавленных (— —) и выпуклых (+ +) линий разлиновки текста. Пробелы на лл. 161 и 167, так же как изыток текста на л. 157 (написанного сперва мельчайшим уставом, затем — более крупным и заканчивающегося пробелом), при сохранении смысловой связи с текстом следующих лл. 158, 162 и 168, лучше всего объясняются трудностями, возникшими при замене испорченных листов другими, восходящими все к тому же «ветшаному» оригиналу.⁴⁶ Определенную роль при возникновении таких «огрехов» могло играть несоответствие размеров кодекса 1377 г. размерам его оригинала — свода 1305 г. Формат «Летописца 1305 г.», как убедительно предположил М. Д. Приселков, был иным, чем формат кодекса 1377 г.,⁴⁷ — говоря приблизительно, список Лаврентия был рукописью в 1°, а свод 1305 г. — в 4°. Отсюда несоответствие размеров вписанного текста размерам листов Лаврентьевской летописи и пробелы, ничуть не нарушающие связности дальнейшего текста.

Таким образом, нам представляется, что кодикологические наблюдения сами по себе не говорят о составлении или переработке оригинала Лаврентьевской летописи в конце XIV в.

Но выдвигались и другие наблюдения, — относящиеся к внутреннему составу рассказа 1237—1240 гг. Уже М. Д. Приселков отметил, что по-

⁴⁶ В написании лл. 157, 161 и 167 участвовал, как мы знаем, не только Лаврентий, но и какой-то третий писец: ссылаясь на то, что «уж очень смелая рука» была у этого «третьего писца», Г. М. Прохоров предполагает, что это был сам епископ Дионисий Суздальский (Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, стр. 101). Нам эта аргументация не представляется достаточно убедительной, но, конечно, третий писец мог быть более опытным, чем «молодой умом» Лаврентий.

⁴⁷ Ср.: М. Д. Приселков. Формат Летописца 1305 г. — СОРЯС, т. СІ, № 3, Л., 1928, стр. 168—170.

вестование о нашествии ведется здесь как бы с двух точек зрения и даже некоторые известия излагаются дважды (гибель епископа и других лиц в церкви, смерть князя Юрия); он пришел к выводу, что рассказ о татарском нашествии представляет собой соединение ростовского и владимирского рассказов. Составлен этот объединенный рассказ был в 1239 г. — ростовским сводчиком князя Ярослава Владимировича.⁴⁸ А. Н. Насонов относил рассказ о нашествии (как и вообще объединение владимирского и ростовского летописания после татарского разгрома) к 80-м годам XIII в.⁴⁹ Интересные наблюдения над тем же рассказом были сделаны В. Л. Комаровичем, предполагавшим, что в рассказе 1237—1240 гг., как и в нескольких предшествовавших известиях Лаврентьевской летописи, отразилось влияние рязанского источника.⁵⁰ Г. М. Прохоров придает особое значение «мозаичности» рассказа о Батыевом нашествии, наличию в нем более 30 текстов, заимствованных из Повести временных лет и летописных рассказов XII—начала XIII в.; особенность эта, по мнению автора, свидетельствует об относительно позднем происхождении рассказа.⁵¹

Само по себе наличие «общих мест» и этикетных формул, заимствованных из летописных и иных источников, — явление, достаточно обычное для летописания. К сожалению, специальных исследований, где бы рассматривалось заимствование больших повествовательных комплексов и целых рассказов, не существует;⁵² в качестве характерного примера мы можем привести рассказ неофициального свода конца 80-х годов XV в. (в Львовской летописи) об ослеплении Василия II в 6954 (1446) г., построенный на рассказе Повести временных лет об ослеплении Васильяка. Согласимся даже, что это черта не современного летописца, а скорее автора, ощущавшего недостаток в реальном материале. Но почему этот автор должен был писать именно в 1377 г.? Уже первые годы после татарского разгрома были временем сильнейшего упадка летописания, когда летописцу, работавшему в случайно уцелевшем Ростове, было нелегко расспрашивать очевидцев и создавать «репортаж» о событиях. Едва ли можно говорить об «активной антитатарской тенденции» рассказа 1237—1240 гг.: основная его тема — отчаяние, «страх и трепет» и покорность перед божьими казнями и «напастями», дающими право «внити в царство небесное»; отношение к «безбожным» завоевателям (которые оставались «безбожными» в глазах христианина независимо от того, были ли они язычниками или мусульманами) возникало у читателя не из призывов летописца, а из самих фактов, описанных в летописи. Такой рассказ мог появиться и вскоре после завоевания (как думал М. Д. Приселков), и, в соответствии с предположением А. Н. Насонова, — в 1281 г., при слиянии владимирского и ростовского летописания. Наконец, может быть предположительно названа и еще одна дата создания этого рассказа — начало XIV в., время владимирско-тверского князя Михаила Ярославича, при котором и был создан свод 1305 г. Михаил Ярославич — князь, осмелившийся в 1317 г. поднять руку на татарского

⁴⁸ Приселков. История, стр. 91—94.

⁴⁹ Насонов. История, стр. 192—200.

⁵⁰ В. Л. Комарович: 1) Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I, стр. 75—76; 2) Древнерусское областное летописание XI—XV вв., стр. 148—162, 190—197.

⁵¹ Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, стр. 78—85.

⁵² Отдельные примеры подобных заимствований в Киевской (Ипатьевской) летописи см.: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 85—90.

посла и полководца Кавгадыя и ханскую сестру Кончаку и казенный в Орде, — гораздо вероятнее мог быть покровителем летописца, создавшего первый развернутый рассказ о Батыевом нашествии, чем Дмитрий Константинович Суздальский, выхлопотавший себе в Орде великое княжение. Заметим, кроме того, что предположению о составлении оригинала Лаврентьевской летописи в конце XIV в. при Дмитрии Константиновиче Суздальско-Нижегородском противоречит не только окончание этого свода 1305-м годом, но и то обстоятельство, что этот свод, включивший в свою последнюю часть целый ряд известий из семейного летописца Михаила Ярославича Владимирско-Тверского,⁵³ даже не упомянул живших в начале XIV в. прадеда и деда Дмитрия Константиновича — Михаила Андреевича и Василия Михайловича.

Итак, особенности рассказа о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи, как внутренние, так и внешние, не дают оснований датировать его концом XIV в. Анализ текста Лаврентьевской летописи самой по себе, «расшивка» этого рассказа на отдельные источники, иногда даже весьма правдоподобная,⁵⁴ вообще не может дать твердой почвы для датировки этой летописи и ее отдельных частей. Конечно, Лаврентьевская летопись — это свод (свод 1305 г.), но определение его источников достигается прежде всего сравнительно-текстологическим исследованием. Таким источником была прежде всего Повесть временных лет Сильвестровой редакции. Следующий бесспорный источник свода 1305 г. — летопись, близкая к своду, отразившемуся в Радзивилловской летописи и сходных с нею памятниках (восходящих к своду Переяславля Суздальского начала XIII в.), но представлявшая собой (в части до начала XIII в.) более раннюю редакцию этого свода. А. А. Шахматов определял этот источник Лаврентьевской летописи (или Полихрона начала XIV в.) как Владимирский свод 1185 г.;⁵⁵ М. Д. Приселков предполагал существование двух связанных между собой сводов — 1177 и 1193 гг.⁵⁶ А. Н. Насонов воздерживался от конкретного определения, говоря о «Владимирском летописце», отразившемся в Лаврентьевской летописи (в отличие от летописца, отразившегося в Радзивилловской и Ипатьевской).⁵⁷ Условно назовем этот источник Лаврентьевской летописи Владимирским I сводом. От Владимирского II свода, отразившегося в Радзивилловской и сходных с нею летописях (Владимирский свод начала XIII в. — по А. А. Шахматову; Владимирский свод 1212 г. — по М. Д. Приселкову),⁵⁸ Владимирский I свод отличает прежде всего отсутствие в нем резких и явных переделок текста в пользу Всеволода Большое Гнездо (приписывание ему подвигов его брата Михаила, переделка рассказа о расправе над плен-

⁵³ Ср.: Приселков. История, стр. 106.

⁵⁴ Рассматривая предположения В. Л. Комаровича относительно рязанского происхождения части рассказа о нашествии Батгя и нескольких других известий, А. Н. Насонов отметил их вероятность, но сделал оговорку, что «все приведенные В. Л. Комаровичем данные позволяют предполагать только существование местных рязанских летописных записей и повестей, но еще не доказывают существования рязанских летописных сводов» (Насонов. История, стр. 185).

⁵⁵ Шахматов. Обзорение, стр. 15—18, 21 (схема), 51—52.

⁵⁶ Приселков. История, стр. 63, 64—66, 71—82.

⁵⁷ Насонов. История, стр. 113—114, 145, 158—160. Отсутствие у А. Н. Насонова однозначного определения этого «Владимирского летописца», отразившегося в Лаврентьевской летописи, привело к тому, что в указателе летописных памятников этот источник Лаврентьевской летописи определяется то как «Владимирский великокняжеский свод второй половины XII в. (северо-восточный источник Лаврентьевской летописи)», то как «Владимирский свод 1177 г. (70-х годов XII в.)» (там же, стр. 544—545).

⁵⁸ Шахматов. Обзорение, стр. 52—55; Приселков. История, стр. 82—87; Насонов. История, стр. 131.

ными князьями в 6685 г., и т. д.). Сохранение в своде 1305 г. (Лаврентьевской) текста Владимирского I свода объяснялось, очевидно, тем, что лежащая в основе Лаврентьевской ростовская летопись (начала XIII в.) князя Константина Всеволодовича, бывшего в ссоре с отцом, не использовала тенденциозный текст Владимирского II свода, а поло-

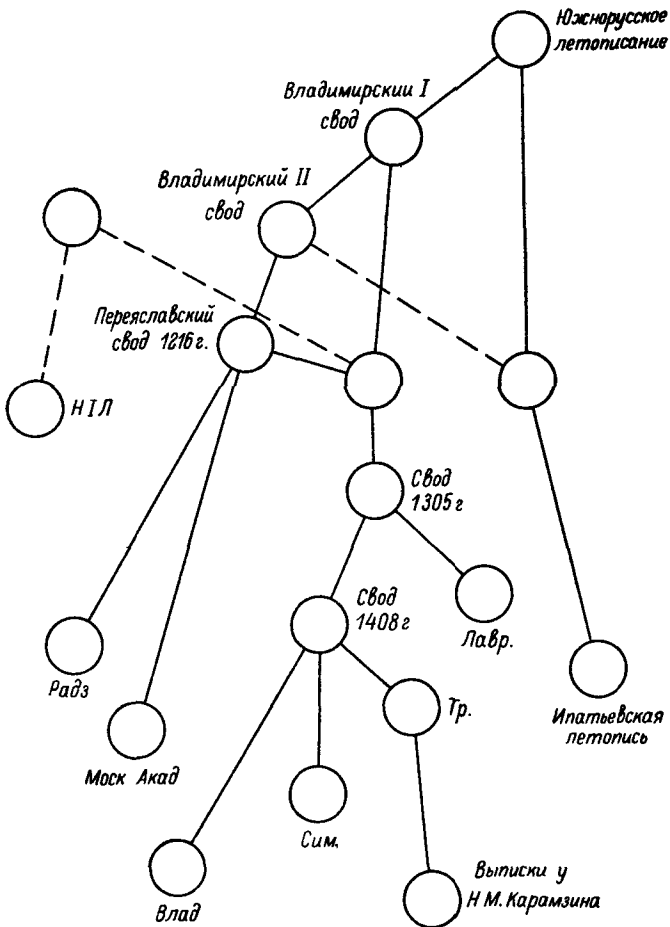

Схема происхождения Лаврентьевской летописи.

жила в основу Владимирский I свод. Но владимирское летописание начала XIII в. все-таки тоже отразилось в своде 1305 г., — на какой-то стадии оно соединилось с ростовским летописанием; когда именно это объединение произошло (сразу после татарского разгрома или в 80-х годах XIII в.)⁵⁹ — это, как мы отмечали, вопрос спорный и выходящий за пределы исследования летописания XIV—XV вв.

Совпадения Лаврентьевской летописи с Ипатьевской объясняются двумя причинами — влиянием северного (владимирского) летописания

⁵⁹ Ср. выше, стр. 63. Влиянием протографа Радзивилловской летописи (свода 1212 г. в его Переяславской редакции 1216 г.) объясняется, очевидно, пробел в своде 1305 г. (Лаврентьевской) под 6711—6713 (1203—1205) гг. В Радзивилловской в этом месте хронологическая путаница, и соответствующие года помещены после 6713—6714 (1205—1206) гг. (Приселков. История, стр. 89 и 111).

на киевско-галицкое (Ипатьевская летопись) и южнорусского летописания на владимирское. При решении вопроса о происхождении свода 1305 г. (Лаврентьевской летописи) нас, естественно, интересует именно эта, последняя, линия влияния. Можно предполагать, что уже Владимирский I свод, отразившийся и на Лаврентьевской, и на Радзивилловской летописях, испытал влияние южнорусских сводов второй половины XII в. (два параллельных свода Переяславля Южного, как полагали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, или Киевский и Переяславский своды XII в., согласно построению А. Н. Насонова).⁶⁰

К числу нерешенных вопросов истории свода 1305 г. принадлежит и вопрос о взаимоотношениях между этим сводом (Лаврентьевской летописью) и Новгородской I летописью (старшего извода). Из совпадений между этими летописями бесспорными можно считать два примера, отмеченных А. А. Шахматовым: рассказ 6725 г. (в НІЛ—6726 г.) о борьбе между рязанскими князьями и началом рассказа о битве на Калке 6731 г. (в НІЛ—6732 г.).⁶¹ Какого происхождения эти известия? Предположение А. А. Шахматова о Полихроне XIV в. как их источник не может быть принято — в Ипатьевской, которую А. А. Шахматов также возводил к этому Полихрону, соответствующих известий нет, а искать для двух известий начала XIII в. источник начала XIV в. нет оснований. Видимо, общий источник Лавр. и НІЛ не был новгородским — ни то, ни другое известие не связано с Новгородом. Может быть, это действительно следы рязанского летописания, которое искал В. Л. Комарович?

Но сложность состава свода 1305 г., восходящего к ряду летописных источников, не противоречит тому, что по отношению к летописям последующих лет свод 1305 г. выступает как единое целое, как главный источник их текста до начала XIV в. Свод 1305 г. был, как мы видели, основой свода 1408 г.; через этот свод он повлиял на свод 1448 г. (СІЛ и НІВЛ) и на московские великокняжеские летописи; можно предполагать, что этот же свод лежал в основе и немосковских летописей — например, *суздальско-нижегородского великокняжеского свода конца XIV в.* (вполне вероятно, что именно для этого свода Лаврентием и его товарищами была снята копия 1377 г. со свода 1305 г.).⁶² Такая роль свода 1305 г. была заслуженной. Он возник при дворе владимирско-тверского князя Михаила Ярославича, первого «великого князя всея Руси»,⁶³ занимавшего самосто-

⁶⁰ А. А. Шахматов: 1) *Обозрение*, стр. 18; 2) *Повесть временных лет*, стр. XLV; Приселков. *История*, стр. 66—74; Насонов. *История*, стр. 80—83, 97, 108—111.

⁶¹ Шахматов. *Обозрение*, стр. 130—131. А. А. Шахматов называет еще известия о смерти жены Всеволода 6713 г., о походе на Рязань (Лавр. — 6715 г., НІЛ — 6718 г.), о землетрясении 6738 г., о завоевании татарами болгар в 6744 г., но только в последнем случае обнаруживаются некоторые черты текстуального совпадения; остальные сомнительны. Нельзя с определенностью говорить о текстуальном совпадении в Лавр. и НІЛ той группы кратких известий начала XIV в., которые отмечает М. Д. Приселков (Приселков. *История*, стр. 107), — скорее, здесь совпадение содержания известий. Совсем неправоммерно расширяет круг известий, совпадающих в Лавр. и НІЛ, Ю. А. Лимонов: он включает в это число почти весь текст рассказа о нашествии Батыя 6745 г., известия о поездках Александра в Орду 6754 и 6770 гг. (Ю. А. Лимонов. *Летописание Владимиро-Суздальской земли*. Л., 1967, стр. 125—126); никакой текстологической связи между этими известиями не обнаруживается.

⁶² Это предположение уже высказывалось в науке; см.: Приселков. *История*, стр. 134—135; Насонов. *История*, стр. 187—188.

⁶³ См.: *Послание патриарха константинопольского Нифонта Михаилу Ярославичу*. — РИБ, т. VI (СПб., 1888 и 1908), № 16. Ср.: А. Е. Пресняков. *Образование Великорусского государства*. Пгр., 1918, стр. 109; М. А. Дьяконов. *Кто был первый великий князь «всея Руси»?* — Библиограф, 1889, № 1.

ательную и смелую по тем временам позицию по отношению к ханам. Мы уже отмечали вероятность того, что рассказ Лаврентьевской летописи о татарском нашествии был составлен при нем. И это не единственное такое место в своде 1305 г. Под 6791—6792 (1283—1284) гг. здесь помещен рассказ о кровавой расправе, учиненной «поспешником дьявола» баскаком Ахматом в Курском «княжении»: Ахмат приказывал развешивать на деревьях, выставлять напоказ и бросать псам трупы убитых им бояр: «...кто имеет держати спор со своим баскаком, тако же ему и будеть». М. Д. Приселков, обративший внимание на этот рассказ, пришел к заключению, что он не восходил к какому-либо письменному источнику свода 1305 г., а был взят сводчиком из устного сообщения.⁶⁴ Рассказ этот никак не может быть приписан творчеству Лаврентия и других создателей списка 1377 г.: в Лавр. он дефектен (не имеет начала) и содержит явные ляпсусы (под 6791 г. — слово «чернысерусину», непонятное самому писцу; под 6792 г. — пропуск сказуемого «идоста» во фразе «два бесурменина ис свободы в другую свободу»); текст Тр. здесь явно лучше передает общий оригинал. Тенденции этого рассказа и рассказа о Батыевом нашествии (как и рассказа об убийстве татарами рязанского князя Олега в 1270 г.) были сходны: по-прежнему истолковывая такие события как «божью казнь» за «неправду», летописец вместе с тем весьма ярко и выразительно рисовал «злехитрых и вельми злых» завоевателей.

Свод 1305 г. был выдающимся памятником общественной мысли начала XIV в. Этим и объяснялось значительное влияние его на последующее летописание.

⁶⁴ Приселков. История, стр. 109